Проза Фёдора Абрамова — наше великое художественное достояние. Всё то, что было написано им, — теперь, по истечении довольно длительного времени, приобретает ещё большую значимость, чем это было при жизни самого творца. Сейчас, как никогда, остро востребованы высокие нравственные ориентиры, которые писатель раскрывал в своих произведениях. Потребность в духовном обновлении давно назрела не только в молодёжной среде, но во всём нашем обществе, так стремительно обнищавшем в культурном, нравственном и физическом смысле. Об этом Абрамов предупреждал нас ещё много-много лет назад. Он с апостольской несгибаемостью вёл неистовую духовную битву за утверждение лучших качеств в Человеке: совести, добра, справедливости, любви к тому уголку родной земли, где родился каждый из нас, благоговел перед отечественной историей, значимостью и величием России. Да, он всем своим творчеством, которое воспринимается не иначе, как служение и подвижничество, проявил себя ярким и одержимым представителем из колена Аввакумова.

Благодарю судьбу за то, что я около десяти лет общался с Фёдором Александровичем. С юношеской пылкостью и обожанием относился я к нему не только как к выдающемуся писателю, но и как к верному в дружбе человеку... Почти каждую зиму жили мы когда-то в Доме творчества "Комарово", работали над книгами, бродили по заснеженным тропинкам. Играли на бильярде. На февральской тропе, сбегающей с комаровского крутояра к Финскому заливу, любовались величественными золотистыми стволами сосен и заострёнными макушками елей, напоминающими ему ёлки веркольские.

Я люблю прозу Абрамова за то, что в ней бесстрашно изображена жесточайшая правда жизни, в буквальном смысле — соль земли, *за то, что веет от неё той языковой свежестью, которая отличает подлинного художника от его многочисленных эпигонов. Художественный текст его произведений насыщен густой и меткой образностью, отмечен* особой северной фразой, *являющей мудрость в познании народного бытия. И ещё той живой, весёлой озорнинкой, без которой невозможно представить современную сельскую жизнь. Его пронзительная проза — это луговое разнотравье, басовитое погудывание хвойных боров, зримые картины ярой морозной зимы, снежных буранных намётов, потемневших от непогоды дедовских изб с растресканными охлупнями на тесовых крышах...*

Поверьте, я счастлив от того, что имел возможность дружить с Фёдором Александровичем, читать его книги, разговаривать с ним, слушать его замечательные выступления с писательских трибун и на секции прозы в Красной гостиной Союза писателей. С годами я всё чаще вспоминаю удивительный творческий вечер Абрамова, связанный с его юбилейной датой — 60-летием со дня рождения, проводившийся в Белом Зале Шереметевского особняка. Весь этот великолепный вечер мы простояли с Глебом Горбовским на ногах, ибо в зале Союза писателей не было свободных мест. Множество людей теснилось на лестницах и в проходах, слушая трансляцию по местному радио. Ах, какие это были восхитительные мгновения!

Но разве знал я тогда, что по истечении всего-то трёх лет, весной 1983 года он так неожиданно, глубоко озадачив многих близко знавших его людей, уйдёт из жизни. С горьким и скорбным чувством провожал я его, великого писателя земли русской, в последний путь... Уже после кончины писателя я познакомился с его другом Фёдором Фёдоровичем Мельниковым, художником. Мы вместе ездили в Верколу, где в те годы проходили ставшие воистину народными многолюдные "Абрамовские чтения", посвящённые Фёдору Александровичу. Пиршество образного северного слова, народной музыки, сцены из спектакля "Дом", выступления прозаиков, поэтов, литературоведов и критиков, художников и земляков Абрамова — всё это сливалось в единое целое.

Возвратившись однажды из очередной поездки в Верколу, ставшую такой родной, я написал этот цикл стихов, посвятив его близкому мне по мироощущению человеку, чьи рукопожатия и напутственные слова всегда были для меня его сердечной, дружеской поддержкой на жизненных и творческих путях и перепутьях...

Геннадий МОРОЗОВ

1

...А Веркола в сугробах вязла,
Её знобило на юру,
И отдирал мороз от прясла
Полуистлевшую кору.

Полозья пошевней скрипели,
Срывая корочку снежка.
Оцепенев, стояли ели
Вдоль пинежского бережка.

И в северной сторонке хвойной,
Где ночью веял снеговей,
Старинной песнею фольклорной
Встречали веркольцы гостей.

Синели тёмные ухабы,
Белел за Пинегой овин.
Порозовев, тянули бабы:
“Ах, Лебедин мой, Лебедин!”

Слабел мороз, мерцало солнце,
А над перильцами крыльца,
Как золотое веретёнце,
Кружилась снежная пыльца.

И всё мне было, как в новинку,
В метельной северной тиши.
Вис небосвод лазурной льдинкой...
Порхая, каждая снежинка
Дарила свет его души.

2

Ледяной сугроб сутулится,
Хорохорится зима.
Здравствуй, северная улица,
Пятистенные дома!

Нынче утро, ой, да ясное —
Отсвистулила пурга!
За осиновыми пряслами
Меркнут мягкие снега.

А от птичника до птичника —
Снегириный перелёт...
Прорезной узор наличника
Посреди зимы цветёт.

Бабы веркольские охнули,
Всполошив частушкой тишь.
И ворохнулися охлупни
На коньках тесовых крыш.

А у Дома да у самого
Запах пакли и сенца.
Я на родине Абрамова —
Вдохновенного певца.

И сугробная, морозная,
Сосульками звеня,
Супит бровь природа грозная,
Стужу гонит от меня.

Дрогнут худенькие сосенки,
Хмуры хвойные верхи,
Но выпархивает солнышко
Воробьём из-под стрехи!

Шумно охает околица:
“Задрала метель подол!
Но как только распогодится —
У коровушек отёл”.

Шубняки шуршат и варежки...
Как светло от русских лиц!
И похрустывают шанежки
На зубах у молодиц.

3

Полыхают, как цветные,
Трепетные лепестки,
Полушалки расписные,
Карпогорские платки.

Прочь, платки! Вспорхните, шали!
Кисти шумно зашуршали.

Перстенёк златой, гори,
Души наши радуя.
Блещут бусы-янтари
Семицветной радугой.

Ослепляют зыбким светом
Серебристые браслеты.

Гей, серёжки, зазвените,
Засверкайте, перстни!
Ходит солнышко в зените —
Слышит наши песни.

А поётся в них о том,
Как медведь дождливым днём
Пировал в малиннике,
Как мы воду... решетом
Носим с тихой Пинеги.

Эх-х-ха! Задроби,
Крепкой браги пригуби!

Чай, от этой светлой браги
Не завалимся в овраге.

Дробанём! Да песню грянем!
В наших песнях — шум лесов.
Громы веркольских гуляний
Крутят жизни колесо.

Не робей, пляши, подруга!
Жалко, что ли, каблуков?!
Разноцветных юбок вьюга
Раззадорит мужиков.

Знамо, наши мужики
Падкие до ласки.
Хоть на вид здоровяки —
Слабоваты в пляске!

4

Ой, зима, не охолонь
Стужею колючею!
Выручай-ка нас, гармонь,
По такому случаю.

Друг, играй, не мучай душу.
Чай, не мальчик, должен знать:
Коль под шапкой стынут уши —
Ног на месте не сдержать!

Ух, отвесим стуже плюху,
Дружно спляшем “топотуху”!

Эх, раз, да ещё раз,
Кто осудит нынче нас,

Коль в крови не “бормотуха”,
А шипучий бродит квас?..

Вот бы люди поглядели,
Как мы с кваса... “захмелели”,

Как медовый пенный квас
Чуть покачивает нас.

Оттого и ходим шатко,
Ибо сварен квас давно.
У дубовой тёмной кадки
День и ночь бубнило дно.

Бойко донышко бубнило,
Как нас Пинега манила:

“Гей, ребята, мужики,
Обживайте бережки!

В проруби — не утоплю.
Но прохладой — отрезвлю.

Ой, напрасно вы смеетесь!
Ой, да вон какие вы,
Материтеся, дерётесь!

Но как только окупнётесь —
Выйдет дурь из головы!..”

5

Нет, память, ты не позабыла —
Такое в жизни нашей было,
Ничуть не покривлю строкой,
Коровы жрали чернобылы,
Несли горькуху-молоко.

Худы, мосласты, ноги в язвах,
Как кровяной подтёк — глаза...
Коровы жадно грызли прясла,
Могли бы выглодать леса.

Давясь, жевали ежевицу,
Перекопытили весь луг.
Им не скребли мослы скребницей,
Прихлёстывая гибкой вицей,
С утра впрягали бабы в плуг.

Тем суховейным летом знойным,
Послевоенным, неспокойным,
На молоке я рос и креп.
Держась за старенький подойник,
Шёл с матерью в прохладный хлев.

Корова, стоя у лабаза,
Щипала мелкий мох из паза.
И злых слепней хвостом гоня,
Глубоким, грустным, тёмным глазом
Глядела молча на меня.

Упрятав пряди под косынку,
Мать молоко цедила в крынку,
Корова тёрлась о столбы...
И моховинка, как сенинка,
Свисала с горестной губы.

6

В родной земле, любимой с детства,
Лежишь... А рядышком река.
Оно с тобой, твоё наследство, —
Поля, луга и облака,

И лес, и Пинега, и пожни,
Родной избы тепло и свет.
Ты рядом с нами мало пожил,
Познав не только соль клевет.

Да, ты азартно делал дело!
И со страниц правдивых книг
Нам Слово Севера звенело,
Как юркий веркольский родник,

Что под землёй упруго бьётся
И с человеком ищет связь.
И упоённо к свету рвётся,
Сквозь щель булыжную сочась.

Сквозь все запруды и преграды,
Щебёнку, глину и сузём
Он к нам прорвался... Люди рады:
"Дай Бог, с водицею живём!.."

В разгар косьбы, лесоповала,
И в год голодный, горевой
Нам так её недоставало,
Целительной и ключевой!

Теперь над ней шумят берёзы,
С ней наша родина видней.
И разве что людские слёзы
По чистоте сравнимы с ней.

1987
Веркола—Ленинград